

Мужун Цзю, услышав уклончивый ответ Шао Циханя, почувствовал, что его любопытство разгорается с новой силой. Он подошёл к Шао Циханю сзади, склонил голову набок и увидел, как тот держит в одной руке сковороду, а в другой — ложку, наливая в фарфоровую миску какую-то зеленоватую кашу.

— Что это? — нахмурившись, спросил Мужун Цзю, разглядывая жидкость странного цвета. Он понюхал и понял, что приятный аромат исходит именно от этой густой массы, не то супа, не то каши.

— Овощной суп, — ответил Шао Цихань, открыв шкаф и вытащив вилку с ложкой. Он ополоснул их под водой и протянул Мужун Цзю. — Попробуй.

Мужун Цзю взял миску, помешал ложкой и увидел, что суп действительно сделан из зелёных листьев. Подняв ложку, он заметил, как мелкие кусочки листьев скользят по гладкой поверхности.

Под пристальным взглядом Шао Циханя Мужун Цзю зачерпнул ложку и отправил её в рот. После недолгого размышления он с удовлетворением сказал:

— Вкусно!

Затем он быстро доел суп, осмотрелся и спросил:

— Это всё?

— Есть ещё, Ацзю, не торопись, — указал Шао Цихань на глиняный горшок. — Я налил немного, чтобы попробовать, как получилось.

Мужун Цзю поставил миску и с нетерпением открыл крышку. Его окутали клубы пара и насыщенный аромат супа. Он глубоко вдохнул, закрыл горшок и, повернувшись к Шао Циханю, спросил:

— Когда ты научился готовить?

Тот лишь улыбнулся в ответ, не давая прямого объяснения, и начал с увлечением рассказывать, как приготовил этот суп.

Накануне мать Шао Циханя приготовила много блюд, но так как основные едоки не были дома, почти всё осталось нетронутым. Она не хотела выбрасывать еду, поэтому аккуратно упаковала всё в холодильник. Сегодня Шао Цихань решил использовать остатки.

— Вкусно, правда? Я использовал бульон, сварил овощи с квасцами, затем промыл их,

измельчил и добавил в суп, — объяснил он.

Мужун Цзю кивнул, выслушав, и спросил:

— И это всё?

Шао Цихань удивился и рассмеялся:

— Что? Ты так нетерпелив?

— Немного голоден, — покраснев, признался Мужун Цзю.

Он не ужинал накануне, а после того как его вырвало, желудок был пуст. Поначалу он не чувствовал голода, но вскоре понял, что нужно подкрепиться.

Мужун Цзю не знал, радоваться ли тому, что его желудок был настолько слаб, что почти не чувствовал голода, или тому, что он всё же проголодался, что свидетельствовало о быстром восстановлении.

— Похоже, доктор Чэнь неплохо справляется, — кивнул Шао Цихань.

Затем он надел термостойкие перчатки и достал из пароварки блюдо с горячими кубиками тыквы.

Мужун Цзю посмотрел на бело-голубую фарфоровую тарелку, на которой лежали шесть квадратных кусочков оранжевой тыквы.

Шао Цихань поставил тарелку на маленький круглый стол на кухне и сказал:

— Давай поедим здесь.

Затем он взял пустую миску и налил в неё рисовую кашу из скороварки.

— В супе слишком много бульона, он жирный, так что сначала съешь кашу, — ласково сказал Шао Цихань, похлопав Мужун Цзю по плечу. — Тебе нужно позаботиться о желудке.

— Знаю, — мягко улыбнулся Мужун Цзю, но его улыбка была немного пугающей.

Шао Цихань пожал плечами и с лёгкой досадой сказал:

— Кто виноват, что ты вчера так накосячил?

Он сел напротив Мужун Цзю и взял со стола маленький клочок бумаги, который тот оставил.

Мужун Цзю взглянул на узорчатую бумагу, которую Шао Цихань медленно разворачивал, затем опустил глаза и взял ложкой кусочек тыквы.

— Это любовное письмо? — с лёгкой иронией спросил Шао Цихань, бросая взгляд на Мужун Цзю, который продолжал есть.

Но по мере того как он читал, его выражение становилось всё серьёзнее.

Шао Цихань перечитал аккуратные строки, и его сердце сжалось.

«Ацзю...»

Он молча сложил бумагу, откашлялся.

Мужун Цзю поднял на него глаза.

— Ну... это... — Шао Цихань смотрел на ясные глаза Мужун Цзю, пытаясь найти слова утешения. — Ацзю, не грусти...

Мужун Цзю положил ложку и спокойно посмотрел на Шао Циханя.

— Но мне грустно.

— Ты... — Шао Цихань изо всех сил старался не поддаваться желанию обнять Мужун Цзю и утешить его.

— Хань, я не верю в это, — опустив глаза, Мужун Цзю ткнул пальцем в бумагу и вздохнул. — Но... тебе не кажется, что этот почерк знаком?

Шао Цихань кивнул.

Он уже заметил, что почерк действительно кажется знакомым, но не мог вспомнить, где видел его раньше.

Мужун Цзю устало улыбнулся.

— Не похоже ли это на мой почерк?

Шао Цихань снова кивнул.

— Меня учила писать мама. Она писала изящным почерком, но хотела, чтобы я учился у мастеров Ван и Лю. Однако я был неспособен и в итоге перенял её стиль. Потом пытался изменить его, но он остался почти таким же, — спокойно рассказывал Мужун Цзю.

— Так ты уверен, что это письмо написала твоя мама? — с сочувствием спросил Шао Цихань, видя, что Мужун Цзю замолчал.

Мужун Цзю молча кивнул.

— Хотя... — Шао Цихань сделал паузу, затем положил руку на руку Мужун Цзю и мягко сказал:

— Ты прочёл письмо. Мама относилась к тебе как к родному сыну.

— Но я не могу поверить... — с горечью произнёс Мужун Цзю. — Мама была так добра ко мне...

— Ацзю, не грусти, — Шао Цихань не выдержал и, встав, обнял Мужун Цзю. — Мама, хоть и не была твоей родной матерью, но разве она отличалась от неё? Если бы она была жива, она не хотела бы видеть тебя таким расстроенным. Она бы грустила, и я... тоже грустил бы.

Мужун Цзю положил голову на плечо Шао Циханя и машинально обнял его за талию.

— У меня... больше нет родных... — с трудом проговорил он.

Шао Цихань мягко похлопал его по спине.

— Что за глупости? Мама смотрит на тебя с небес. Разве она не рассердилась бы, услышав это? И даже если бы ты остался один, я бы всегда был рядом.

Неизвестно, услышал ли Мужун Цзю эти слова, но он больше ничего не сказал, лишь крепко обнял Шао Циханя, так что тому стало даже больно.

Шао Цихань вздохнул и крепко обнял его в ответ.

Он жалел Мужун Цзю, но жалел и себя.

Бедный Ацзю, всегда отказывавшийся признавать и даже ненавидевший отца ради матери,

теперь обнаружил, что не был её родным сыном. Как же это драматично.

Как мучительно видеть кусок жирного мяса перед собой, но не иметь возможности его съесть, особенно если это мясо ещё и грустит.

Левая половина мозга Шао Циханя кричала, что нужно утешить Мужун Цзю, сказать, что его мама очень любила его. Но правая половина мозга вопила: «Ты глупец! Мёртвая женщина всё ещё борется за Ацзю, но разве не лучше, если в его сердце останешься только ты?»

<http://bllate.org/book/15114/1335852>